

РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ОБЕЩАНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Мария Соломина

Данная статья посвящена сопоставлению речевого акта обещания в русском и болгарском языках и анализу средств его репрезентации. Так же в статье приведена классификация разных типов речевого акта обещания.

Ключевые думи: обещание, речевой акт, русский язык, болгарский язык, репрезентация

This article deal with the comparative study of representation ways of promissive speech acts in Russian and Bulgarian languages; also there is classification of different types of promissive speech acts in the article.

Key words: promise, speech act, russian language, bulgarian language, representation

Исследование способов выражения тех или иных интенций на материале родственных славянских языков способствует, с одной стороны, развитию представлений о богатстве и индивидуальности каждого языка, с другой – формированию представлений об общей языковой картине мира во всей славянской языковой группе.

Целью данного сообщения является сопоставление способов совмещения интенций в рамках речевой ситуации обещания.

Обещание – комиссивный речевой акт, посредством которого адресант принимает на себя добровольное обязательство выполнить что-либо. Он готов осуществить обещаемое действие даже при неблагоприятных последствиях, а невыполнение обещанного ведёт к потерям, касающимся кредита доверия.

Анализ фактического материала позволяет выделить следующие типы совмещения интенций в речевой ситуации обещания:

1. Обещание-согласие/поддержка
2. Обещание-уступка
3. Обещание-уверение
4. Обещание-обязательство

5. Обещание-клятва

6. Обещание как элемент речевого акта угрозы.

Обещание согласие/поддержка является реактивным речевым действием, вследствие этого представляет собой, как правило, короткую ответную реплику на описание ситуации партнёром по коммуникации. Данный тип совмещения интенций может быть выражен при помощи:

- Перформативного глагола

*– Но ты все же подумай над моими словами, – сказал он. – **Обещаю**, – ответил я (Пелевин 2008) / – Все пак си помисли върху думите ми — настоя той. – **Обещавам** – отговорих (Пелевин 2002).*

Сема обещания выражена перформативно, сема согласия отражена собственно реакцией принять предлагаемую линию поведения.

- Неперформативного глагола, эксплицирующего действия говорящего в будущем времени.

*– Не обращайтесь внимания. Это все от укола. – **Попробую** (Пелевин 2008).
– Не обръщайте внимание. От инжекцията е. – **Ще опитам** (Пелевин 2002).*

Здесь сема обещания представлена слабее, так как лексическое значение глаголов выражает неуверенность.

Обещание-уступка также является реактивным актом. Значение уступки предполагает добровольный отказ в пользу лица и проявляется в экспликации одним из коммуникантов запроса такого отказа. В ответной реакции сема обещания выходит на первый план в перформативном высказывании-реакции на запрос:

*– А ты обещай мне две вещи: что больше ни о чем не будешь спрашивать и что тоже расскажешь правду. – **Обещаю** (Акунин 2013). / – А ти ми обещай две неща: че никога повече няма да ме питаш за нищо и че също ще ми кажеш истината. – **Обещавам** (Акунин 2006).*

При неперформативном способе выражения уступка представлена лексическим компонентом:

– *И если бы ты могла не тревожиться постоянно обо мне... мне от этого было бы легче – **Ладно, не буду** (Ангелов 1959). / – *И ако да можеш да на мислиш постоянно за мене... Така и на мен ще ми бъде по-леко. – **Няма да мисля постоянно** – рече майка му (Ангелов 1982).**

В русском примере предикатив *ладно* выражает уступительное значение «пусть будет так, ничего не поделаешь», глагол с отрицанием подчеркивает собственно комиссивный компонент. В болгарском примере совмещенная интенция выражается синкретично посредством конструкции *няма да мисля постоянно*, где будущее время выражает обещание, а отрицание – уступку.

Наблюдаются речевые действия, в которых поясняется причина/цель уступки. В таком случае при ответе эксплицируется целевой компонент:

– *Знаете что, а устройте завтра опять ужин, в том же самом кругу. А Фандорину напишите <...>, чтоб непременно пришел. **Обещаете?** – **Ради удовольствия вновь видеть вас у себя я на все готов** (Акунин 2013). / **Обещавате ли?** – **На всичко съм готов за удоволствието да ви посрещам в дома си** (Акунин 2006).*

Обещание-уверение, по данным фактического материала, наиболее частотное совмещение интенции. Само уверение семантически достаточно близко обещанию, однако представляет собой более интенсивный речевой акт.

– *Смею вас **заверить**, господин полковник, что **это будет сделано** (Ангелов 1959). / – *Мога **да ви уверяя**, господин подполковник, че **това ще бъде направено** (Ангелов 1982).**

Структура данного речевого действия двухчастна, перформативный эквивалент *смею вас **заверить**/мога **да ви уверяя*** вводит интенцию уверения, наряду с интенцией обещания реализовать действие в будущем.

Выражение этих интенций может быть синкретичным, что объясняется их смысловой близостью.

– *Уверяю тебя, что Котовский, точно так же, как ты и я, в силах создать свою собственную вселенную (Пелевин 2008).* / – *Уверяю те, че Котовски съцо като теб е способен да създаде своя собствена вселена (Пелевин 2002).*

В данном примере первична интенция уверения, выраженная перформативным глаголом *уверяю*; обещание ослаблено, поскольку адресант не может в полной мере взять на себя ответственность за выполнения действий третьим лицом, однако, в случае несоответствия реального положения дел и высказывания адресанта, адресант понесёт потери в области кредита доверия.

Наблюдаются речевые ситуации, когда на первый план выходит интенция обещания, когда адресант берёт на себя ответственность за осуществления действия:

– *Ну говори, говори... – усмехаясь понукал его Эмил. – Не бойся, я тебя не выдам. Я не коммунист, но и не полицейский шпиик (Ангелов 1959).* / – *Кажу си, кажу си... – подкани го Емил ухилено. – Не бой се. Няма да те издам. Аз не съм комунист, но не съм и полицейски шпиони (Ангелов 1982).*

Интенция уверения выявляется посредством определения статуса адресанта *Я не коммунист, но и не полицейский шпиик*, что становится гарантией исполнения обещанного.

Обещание-обязательство акцентирует компонент неременного исполнения, посредством чего увеличивается иллюкутивная сила высказывания. Более наглядно совмещение интенций репрезентирует лексический маркер соответствующей семантики:

– *Му-ли-нэ. У нас очень трудно купить. – Мулинэ. Запомню и спрошу. Если есть – обязательно пришло (Солженицын 2010).* / *Му-ли-не. Тук е страшно трудно да се намерят. – Ще запомня и ще попитам. Намеря ли, непременно ще ви изпратя (Солженицын 1993).*

Обещание-клятва выделяется по силе эмоционального воздействия.

– **Клянусь** спиной святого Мики, ты выведешь меня из себя! (Стругацкий 2006) / **Кълна се** в гроба на свети Мика, ще ме изкараш от кожата! (Стругацки 2006)

Используя перформатив, адресант подчеркивает крайнюю заинтересованность в исполнении обещаемых действий.

– Да ты что? – прошептал он. – Не доверяешь? Да я... **Я за революцию жизнь отдам!** (Пелевин 2008) / – Доверие ли ми нямаш? Ами че аз... **Аз за революцията живота си давам!** (Пелевин 2002)

Такая клятва-обещание может быть обусловлена обстоятельствами, «когда адресат упорно не верит говорящему или когда совершение действия заведомо трудно или особенно важно для адресата» (Гловинская 1992: 178).

Отметим, что обещание является обязательным компонентом речевого акта угрозы. Его функция – обозначить негативные последствия для адресанта.

– **Сунетесь еще раз – буду отрубать руки.** (Стругацкий 2006) / – **Ако се пълхнете още веднъж, ще режа ръце** (Стругацки 2006).

Таким образом, в зависимости от целей и степени воздействия на собеседника, распределения коммуникативных ролей в процессе интеракции речевой акт обещания может иметь определенные разновидности. Как показывает сопоставительный анализ, это явление универсально, поскольку обусловлено прагматическими факторами формирования коммуникативной ситуации..

Библиография

- Акунин 2013: Акунин, Б. Алмазная колесница: роман. Т. 2. Между строк: Япония 1878 год. Москва: Захаров, 2013.
- Акунин 2016: Акунин, Б. Диамантената колесница. Пр. с рус. В. Райчев. София: Еднорог, 2006.
- Ангелов 1959: Ангелов, Д. Не на жизнь, а на смерть. Пер. с болг. А. Собковича и Н. Попова. Москва: Худ. лит., 1959.
- Ангелов 1982: Ангелов, Д. На живот и смърт. София: Български писател, 1982.

- Гловинская 1992*: Гловинская, М. Я. Русские речевые акты и виды глаголов. – В: Арутюнова, Н. Д., Н. К. Рябцева (ред.). Логический анализ языка: модели действия. Москва: Наука, 1992, 123–130.
- Пелевин 2002*: Пелевин, В. Чапаев и Пустота. Пр. от рус. Т. Балова. София: Калиопа, 2002.
- Пелевин 2008*: Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота. Москва: Эксмо, 2008.
- Солженицын 1993*: Солженицын, А. Раково отделение. Пр. от рус. Г. Миланов. Перник: Венисон, 1993.
- Солженицын 2010*: Солженицын, А. И. Раковый корпус. Москва: Эксмо, 2010.
- Стругацки 2006*: Стругацки, А., Б. Стругацки. Трудно е да бъдеш бог. Пр. от рус С. Владимиров. София: Дамян Яков, 2006.
- Стругацкий 2006*: Стругацкий, А. Н., Б. Н. Стругацкий. Трудно быть богом. Москва: АСТ, 2006.